

СТРАШНЫЙ РАССКАЗ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

В голом, обезображенном зимней смертью парке, черневшем перед домом, была темнота и пустыньность мартовской ночи, и на старый, серый снег порошил молодой, белый, нежный, как лебяжий пух.

Они, - известно только то, что их было двое, - сидели в парке с вечера, выжидали самого глухого часа.

И дом зорко глядел в темный парк множеством освещенных окон: она, эта старая француженка в каштановом парике и с выпуклыми рачьими глазами, за отъездом хозяев в город жившая в доме совсем одна, чувствовала зловещее присутствие тех, что стерегли ее: она осветила все комнаты, - а их было много, и все они были большие, - она решила не спать всю ночь и все ходила из комнаты в комнату, по всему пустому и блистающему лампами и канделябрами дому.

Страшнее всего то, что вместо того, чтобы пойти в подвальный этаж, где спали горничная и прачка, или в людскую, где ночевала дворня, вместо того, чтобы позвать кого-нибудь к себе, она, уже твердо зная свою обреченность, только ходила из комнаты в комнату и даже вздумала писать записочки.

Она писала:

"Двенадцать с четвертью. Все хожу и хожу! Чувствую, что я погибла. В саду кто-то есть. Я даже знаю, что их двое..."

"Только что пробило час - внизу, на больших часах в вестибюле. Пробило страшно и торжественно... Один из них - маленький, с кривыми, как у таксы, ногами. Но я не буду спать всю ночь, я буду защищаться..."

Она играла на рояли кекуок, - много раз принималась играть, играла бурно, с отчаянным весельем, и все обрывала:

"Как сумасшедшая, играю кекуок, - писала она. - Ужас мой доходит до экстаза..."

Потом она перебирала книги в шкапу в кабинете, смотрела и бросала их на пол. Она искала что-нибудь почитать и взяла наконец том географии Реклю.

На хозяйском письменном столе она оставила еще одну записку:

"Боже мой! Но почему же должна быть этой жертвой я? Я буду защищаться, живой я не сдамся!"

С Реклю в руках она прилегла на кабинетный диван и, развернув книгу, почитала некоторое время и даже сделала карандашом несколько отметок.

На этом же диване и нашли ее утром - с перерезанным горлом, без парика, с голым черепом, с дикими, рачьими глазами, стоячими, изумленными.

Стекла в двойных гостиных дверях, выходящих в сад на балкон, были выдавлены, вынуты. Ветер дул в гостиную, нес из белесого парка холодный пар, туман. И весь дом пылал огнями, желтевшими в бледном свете сырого и белого, мглистого дня.

Кто зарезал? И зачем?

Зарезали они, те двое, что сидели в саду. А зачем - непостижимо: они не унесли, не тронули ни единой вещички.

Да, их было двое. Это доказывали мокрые, грязные следы, оставленные ими на паркете. И следы одного были не совсем обычны, широко расставлены друг от друга, кривы... Несомненно, он был криволап.

Их было двое. Но кто были они? Их не нашли, не поймали.

Все-таки самое страшное на земле - человек, его душа.

И особенно та, что, совершив свое страшное дело, утолив свою дьявольскую похоть, остается навсегда неведомой, непойманной, неразгаданной.

Где они теперь, эти двое? А ведь может быть, что они до сих пор живы, где-то что-то делают, ходят, едят, пьют, разговаривают, смеются, курят...

Париж. 1926